

Культура. — 1998 — 8 — 14 окт. — с. 12

Кое-что о библейских истинах

Выставка произведений Игоря Обросова

Сразу вспоминаю триптих Игоря Обросова "Мир Николая Федоровича" — крестьянина Цыганова из небольшой деревни Слепцово, что затерялась во глубине России. И хотя этот мир как будто бы предельно прост — стога на безлюдных полях, окно деревенской избы, часть изгороди, журавель во дворе, да бездонное небо, да необъятные дали, — он потрясает мощной своей выразительностью, высоким художественным слогом о нелегкой судьбе русского мужика, честно трудившегося, честно воевавшего, вернувшегося в родную, но такую обезлюдившую деревню. Ведь на бранных холмах осталось более восьмидесяти односельчан. Ему, Цыганову, просто повезло, за всех тех пришлось быть в ответе. Нет дома в деревне, где он не применил свое крестьянское умение, нет семьи, коей не помог в тяжелую годину.

— И когда пришло время рисовать мне Николая Федоровича, — рассказывает Игорь Павлович, — не решился я предложить ему надеть награды, ибо понимал, что это была бы нарочитость, не свойственная скромности и обыденности простого, человеческого, чистого, доброго мира сегодняшней жизни Николая Федоровича Цыганова, его мира с постоянной заботой об укусах, скотине, урожаях, хорошей погоде, обо всем, что окружает русского крестьянина в его жизни... И ушел он просто, незаметно, никому не докучая. Мастерил рамы оконные, почувствовал: вроде притомился, пошел в избу, прилег...

А портрет Беллы Ахмадулиной художник сопроводил тютчевской строкой: "Есть целый мир в душе твоей...". Скромными живописными средствами — черным и белым — создал он не просто прекрасный портрет одной из обаятельнейших русских поэтесс, ее неповторимый нервный и страстный мир — талантливой кистью своей взволнованно и проникновенно, каким-то непостижимым озарением открыл "целый мир" в нас самих, в каждом из нас, вокруг нас. Открыл нечто божественное, вечное.

И эта трепетная сопричастность миру художника, миру человека, им изображенного, возникает подле каждого портрета, ныне представленного на персональной ретроспективной выставке произведений народного художника России, действительного члена Российской академии художеств, лауреата Государственной премии СССР Игоря Обросова, открывшейся в залах Академии художеств. Поэтому мы с особой остротой и сопереживанием всматриваемся в портреты Булата Окуджавы, Александра Солженицына, Василия Шукшина, Виктора Попкова, Павла Никонова, нам незнакомых

"Есть целый мир в душе твоей...". 1978 г.

Солдат и Женщин Великой Отечественной войны; "Дамы в черном", Актрисы, Ани, Нины, Оли...

Мир этот вековечен и мудр, печален и горестен, светлый он и трогательный, раскрытый настежь, на всю Россию, и как бы собранный в этой деревенской избе, в этом одиноком стоге, в этой корзинке с лесными ягодами. Все просто, предельно просто как, впрочем, проста на первый взгляд сама обросовская живопись. Но сколь величественна она и набатна.

Простота Игоря Обросова — только ему свойственная, только ему принадлежащая, сугубо личностная, сразу узнаваемая в любом зале, в любом, самом именитом соседстве. Простота без всяких иносказаний, замысловатой стилистики, скрытого подтекста. Она — ясна, чиста, объемна и удивительно пластична, несмотря на довольно скромный, немногословный цветовой спектр. Чаще всего варьируется два цвета — черный и белый, чем и достигаются выразительность, сила и глубина.

А еще Обросов в наиболее значительных картинах — будь то эпические исторические панорамы Великой Отечественной или же камерное "Ведро с картошкой" — выявляет нечто вневременное, а точнее — надвременное, вечное, какую-то естественную связь поколений: сегодняшнее из прошлого, сегодняшнее в грядущее. Это внутреннее, подчас почти интуитивное содержание в полной мере проявилось в его деревенских картинах. Кстати, почему-то, и по-моему, бесосновательно причисляют

их к так называемому "суровому стилю" шестидесятников, к коим он относится. Напротив, крестьянские его холсты мягки, лиричны и поэтичны. Правда, с легким, почти неприметным печальным флером, словно отдаленным отзвуком какой-то библейской истины.

Наверное, поэтому художника привлекают осенние и вечерние мотивы: опустелые поля, одинокие скирды, как бы заброшенные избы, над которыми пронеслась последняя гроза, грусть и тревога вечерних закатов.

Но Обросов может быть разным. В московских полотнах иное звучание — торжественное, величавое, умиротворенное. В них нет суетливости, шума и обычной городской суеты. У Обросова столица словно очищена от всего мелочного, повседневно-наносного. Она предстает перед нами такой, какой бывает ранним летним воскресным утром, — безлюдной, успокоенной и эпически просторной.

В последние годы письмо художника приобрело, по-моему, более трагический настрой. Легкая печаль, вечерние или осенние интонации сменились интенсивным, резким противостоянием темного, черного и светлого, как бы разделяя жизнь и смерть, добро и зло, надежду и злоеущую бездну безысходного отчаяния. Щемящей болью, горечью и скорбью проникнуты прежде всего произведения, посвященные памяти отца Павла Николаевича Обросова, известного хирурга, профессора, директора Института имени Склифосовского, арестованного и расстрелянного в

37-м. Картины "Мать и отец. Ожидание", "Ночной гость", "Разговор с отцом", "Признать себя виновным", триптих "Памяти отца", наконец, живописный "Монумент жертвам сталинских репрессий" далеко выходят за рамки одного злобного и преступного события. Они обретают смысл вневременного страшного явления, апокалипсиса, свершенного самими людьми. К этому же трагическому разлому относятся большой триптих "Женщинам Великой Отечественной войны", "Защитникам Москвы", картины "Противостояние", "Эшелоны", "Скорь Земли Тверской". А еще — "Похороны Виктора Попкова", "Жизнь кончена..." (смерть Пушкина), даже "Дорога в Тригорское", опять-таки посвященная Пушкину, кажется грустной и одинокой.

...Выставка представляет не только творчество Игоря Обросова, но и работы его детей, тоже художников, Дарьи и Павла Обросовых. Семейные выставки сейчас не редкость. Но не всегда они бывают позитивными по отношению к молодым. И в данном случае могучее искусство отца если не затмило творчество его дочери и сына, что вполне естественно, то в достаточной степени оказало большое на них влияние. Некоторые картины стилистичной и колоритом смотрятся репликами отцовских тем и сюжетов. Надо полагать, что молодые переживают вполне объяснимый, закономерный период развития, период проб и поисков своего пути к искусству.

Евграф КОНЧИН